

Бараев с Наливайко продолжают спорить

Поездка по целине завершилась посещением Института зернового хозяйства и многочасовым совещанием в Целинограде. В институте возобновился давний спор Бабаева с Наливайко: нужны ли на целине чистые пары, а если нужны, то сколько. Напомню, в начале года чаша весов склонилась в сторону Бараева. На февральском Пленуме ЦК Бараеву предоставили слово, а его противника, алтайского агронома Наливайко туда вообще не пригласили. Он на время затих, но потом оправился и начал бомбардировать отца письмами, пересыпанными цифрами-фактами, подтверждающими его правоту. Бараев, в свою очередь тоже времени даром не терял, из его писем, тоже весьма обстоятельных, следовало, что правда на его стороне. Сражались два ученых, две научные школы, и не в одиночку, у каждого за спиной стояли научные учреждения, они ссылались на десятки проведенных экспериментов, вот только выводы Бараев и Наливайко делали взаимоисключающие.

«В то время большинство ученых и специалистов не только сомневались в преимуществах безотвальной обработки, но и были уверены в ее несостоятельности, вели решительную борьбу против новой идеи, – пишет аграрий Федор Тимофеевич Моргун, в 1964 году работавший в Кокчетавской области, а затем в Целинном крае. – Бараев настаивал на необходимости массового перехода на безотвальную обработку почвы, введения в структуру посевных площадей 25–30 процентов чистых паров, многолетних трав. Многие известные в стране ученые и академики резко критиковали Бараева».⁹⁰

Федор Тимофеевич запомнил, вернее, в памяти у него совместились два разновременных периода.

Спор о преимуществах традиционной для России пахоты, при которой выворачивается наружу нижний слой почвы, и безотвальной пахоты, когда вместо плуга применяют луциль-

⁹⁰ Моргун Ф. Т. Как спасали Бараева. Цитирую по присланным мне автором, отрывкам из корректуры книги без указания ее выходных данных.

ники-культиваторы, разрезающие верхний пласт чернозема и не нарушающие структуру почвы, происходил ранее и не совсем так. За безотвальную обработку сражался не столько Бараев, сколько Мальцев и не с Наливайко, а с Лысенко, и не в 1964, а в 1954 году. Ко времени, о котором идет речь, «безотвальщики» победили, засуха 1963 года поставила в этом споре точку. Там, где землю лущили, пыльные бури не столь разрушительны, засушливому ветру труднее поднимать почву в воздух. К слову, американцы теперь тоже не пашут, а культивируют почву. К этому заключению они, как и мы, пришли после своих пыльных бурь, прокатившихся по Среднему Западу США в 1930-е годы.

Так что к 1964 году спор пахать или лущить уже отходил в прошлое, а вот борьба двух научных школ вокруг черных паров к лету 1964 года разгорелась с новой силой. Бараев стоял на своем: «Для предотвращения эрозии почвы одних лущильщиков недостаточно, необходимо травополье, в отсутствие гербицидов против сорняков имеется только одно эффективное средство – чистые пары».

Наливайко доказывал обратное, и не менее аргументированно, ссылаясь на многолетние эксперименты, проводившиеся не только на его опытной станции, но и во многих целинных хозяйствах.

Спор выплеснулся за научные рамки. В него, вслед за аграриями, включились люди от сельского хозяйства весьма далекие.

Процитирую еще раз воспоминания Суходрева: «Едем дальше, – я воспроизвожу его рассказ о поездке вместе с лордом Томпсоном по полям целинного совхоза, – вдруг Хрущев становится мрачнее тучи. Кончилось одно поле, началось другое, и на нем ни колоска пшеницы. Тут даже у меня сердце екнуло. Уж совсем я не специалист, а чувствую – пары...

Хрущев дал команду остановить машину.

– А это что такое? – обратился он к Гуревич.

– Пары, Никита Сергеевич, – отвечает.

– Какие пары? – Хрущев помрачнел еще больше.

– Никита Сергеевич, я из года в год первое место держу по всему району, – все так же спокойно отвечает Гуревич.

Но разве его возьмешь таким аргументом?

– Так если ты у вас не было этих паров, то урожай бы еще возрос, – напирал Хрущев.

– А мы считаем, что нам пары нужны, – ничуть не тушуясь перед первым лицом государства, отвечает Гуревич.

Наконец злополучное поле под парами проехали. Снова океан пшеницы, снова бескрайние золотые поля. Хрущев опять повеселел.

По возвращении в свой вагон, – пишет Суходрев, – Хрущев выговорил за пары местным начальникам».

Очевидно, что Суходрев, дипломат, советник-посланник, блестящий переводчик с английского явно на стороне Гуревич, недоумевает, почему он понял все, а до Хрущева столь очевидные истины не доходят.

В том-то и дело, что все так и одновременно совсем не так. Отец и Суходрев смотрят на одно и то же поле, но видится оно им по-разному. Гуревич действительно снимает каждый третий год с «отдыхавшего» пару поля приличный урожай, получает за него заслуженные премии. Однако если разделить урожай на всю площадь, засеянную и стоящую под парами, то от урожайности едва останется одна треть.

Совхоз, которым руководит Гуревич, работал не «по Худенко», ему сверху спускали план, что где сеять, сколько гектаров земли оставить вовсе незасеянными. В соответствии с этими, полученными от вышестоящих органов, указаниями Гуревич и работает, по ним и отчитывается. Отца же интересовал не отчет, а конечный результат, засыпанное в элеваторы

зерно. Что выгоднее, рекордный урожай с одного гектара или средний с трех? Ответ для него, в отличие от дипломата Суходрева, не очевиден.

Конечно, если дать свободу директору, он бы решал сам и по-своему в каждом отдельном хозяйстве. Когда отчет заменит собственная выгода, то та же Гуревич призадумается, стоит ли держать земли в простое, если от них один убыток? А если пары эффективны, то кто же от них откажется? Вот только в 1964 году ответ на этот «проклятый» вопрос приходилось искать отцу, и не для одного совхоза, а в масштабах всей страны. И Наливайко, и Бараев апеллировали к отцу. От него требовали решения – оставлять миллионы гектаров целинных паров отдыхать на два года под травами или, по примеру американцев, засевать их и собирать ежегодный урожай. Ответ стоил дорого, согласишься с Бараевым и недосчитаешься столь необходимых стране миллионов тонн зерна. Ставить на Наливайко тоже опасно, пока еще удобрений недостаточно, можно землю так истощить, что она вообще перестанет родить. Правда, в 1964 году проблема удобрений уже решалась, пройдет год-два, и их станет вдоволь. В перспективе позиция Наливайко представлялась более обещающей, и все же отец колебался.

«Чистые и занятые пары – вопрос экономической целесообразности. Возьмите карандаш и подсчитайте прибыль. – (Заметим, Хрущев снова говорит о прибыли.) – Нужно руководствоваться экономическими соображениями», – говорится в отчете о поездке по полям Кустанайской области, опубликованном 14 августа в «Правде». А вот как в газетном отчете трансформировался разговор с Гуревич, столь эмоционально описанный Суходревым: «Чистый пар или не пар? Ответ даст экономика, – говорит отец. – Я ставлю на ту лошадь, которая победит».

В том же ключе отец делится с коллегами впечатлениями от поездки на целину и своими сомнениями на заседании Президиума ЦК 19 августа 1964 года (я, по возможности, сокращаю нередактированную запись): «Интересный спор продолжается вокруг черных паров. Я попытался встать в тень, занять нейтральную позицию. Но нейтралитет мой потерпел фиаско, нам, политическим деятелям, нельзя устраниваться от активных действий. Тогда я предложил формулу: пусть победит система землепользования, дающая наибольший товарный выход. Если чистые пары, когда поле целый сезон «отдыхает», дадут, по сравнению с «зябью», двойной урожай, то их применение оправдано. Урожай по чистым парам почти всегда выше, чем по зяби. Лукьяненко, а он честолобивый селекционер в Ставрополе, рассказал мне, что его сорт обеспечивает урожай в 70 центнеров с гектара по парам, огромная цифра, а по зяби он снимает 40 центнеров, чуть больше половины. Но больше половины. За два года с гектара по зяби получится 80 центнеров, а с постоявшего под парами поля – только 70. Вот такая арифметика. Я сравнил урожай опытной станции Савостина,⁹¹ у него чистых паров всего 9 процентов от общей пашни. В условиях прошлогодней, 1963 года, засухи они получили в среднем 8,7 центнера с гектара. Я Савостину верю.

Бараев предлагает под пары отдать до 35 процентов пашни, это более 10 миллионов гектаров. Рядом с опытной станцией Бараева расположен колхоз,⁹² где председателем кореец Кан Де Хан, не ученый, а простой крестьянин. У него нет чистых паров, а урожай выше, чем на станции у Бараева.

Наука пока слаба. Раньше 40 процентов полей держали под травами, теперь их хотят отдать под пары. Во всех совхозах я видел чистые пары, у Савостина 9 процентов, у Бараева в этом году 18 процентов, а в прошлом было 35 процентов.

⁹¹ В. Г. Савостин – директор Карабалыкской опытной сельскохозяйственной станции в Кустанайской области Казахстана.

⁹² Колхоз имени 18-летия Казахской ССР Целинного края Казахстана.

Казахи хотят Бараева заменить, считают его человеком неумным. Не будем вмешиваться, пусть колхозы и совхозы решают сами, что им выгоднее».

Отец сомневался, а вот «казахи» не сомневались, той осенью они всерьез взялись за Бараева, но «принять меры» не успели, от должности освободят не Бараева в Целинограде, а Хрущева в Москве, и все мгновенно развернется на 180 градусов. Теперь все осуждали «волюнтаризм» отца и требовали возврата к черным парам.

Как же разрешилась проблема черного пара? Признаюсь, не знаю, не интересовался. Если сейчас смотреть на поля из окна машины, то «отдыхающей» земли не встретишь. Все засеяно. Появились в изобилии удобрения, и проблема, столь острая в 1964 году, отпала сама собой.

Налюбовавшись на целинный урожай, наслушавшись споров противоборствующих сторон, отец 15 августа 1964 года прибывает в столицу Киргизии Фрунзе (Бишкек). Там все готово к торжествам по случаю 100-летия вхождения Киргизии в состав России. 16 августа отец выступает на праздничном митинге, прикалывает на флаг республики очередной орден Ленина и на следующее утро уезжает к чабанам в Иссык-Кульскую долину. Там зимой 1963–1964 года из-за неурожая, из-за гололеда на пастбищах, а главным образом из-за неорганизованности и безответственности произошел падеж овец в особо крупных масштабах. Падеж поразил не только Киргизию, страна в целом недосчиталась более 3,5 миллионов голов.

Отец решил посмотреть своими глазами, что там происходит.

18 августа 1964 года он возвращается во Фрунзе, произносит на республиканском активе отнюдь не парадную речь и тем же вечером возвращается в Москву.

Разница во времени между Фрунзе и Москвой три часа, и отец приземляется во Внуково всего «спустя двадцать минут» после вылета из аэропорта Манас.

– Сэкономил три часа рабочего времени, – пошутил отец в ответ на приветствия встречавших его на аэродроме членов Президиума ЦК.